

Васильева Светлана Ивановна

МИР КРЕСТЬЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (НА МАТЕРИАЛАХ АВТОНОМНЫХ РЕСПУБЛИК ВОЛГО-ВЯТСКОГО РЕГИОНА)

Статья посвящена различным аспектам экономической, социальной и культурной жизни деревни Волго-Вятского региона в годы Великой Отечественной войны. В основу работы положены не только материалы исследований историков, проведенных за последние годы, но и воспоминания тружеников тыла, собранные и опубликованные в различных сборниках, правдиво отражающие суровые реалии того времени, проблемы и трудности военной поры.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2016/3/6.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2016. № 3 (105). С. 27-31. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2016/3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

УДК 93/94

Исторические науки и археология

Статья посвящена различным аспектам экономической, социальной и культурной жизни деревни Волго-Вятского региона в годы Великой Отечественной войны. В основу работы положены не только материалы исследований историков, проведенных за последние годы, но и воспоминания тружеников тыла, собранные и опубликованные в различных сборниках, правдиво отражающие суровые реалии того времени, проблемы и трудности военной поры.

Ключевые слова и фразы: крестьянская культура; война; республики Волго-Вятского региона; труд; патриотизм и героизм; школа; религиозные взгляды; материальные условия; голод.

Васильева Светлана Ивановна, к.и.н., доцент

Московский государственный технический университет имени Н. Э. Баумана

svvasiljeva50@mail.ru

**МИР КРЕСТЬЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
(НА МАТЕРИАЛАХ АВТНОМНЫХ РЕСПУБЛИК ВОЛГО-ВЯТСКОГО РЕГИОНА)**

Война стала тяжелым и суровым испытанием для советского крестьянства. Деревня встретила весть о начале войны мужественно и сурово. Вот как об этом вспоминает ветеран труда, уроженка Мордовии Е. Д. Яськина: «Люди слушали, затаив дыхание. Все замерли. Потом разговор пошел уже в другом направлении. Замечания были короткими, гневными. Все были уверены в том, что война будет непродолжительной и без больших потерь...» [7, с. 209]. И только спустя некоторое время все начали понимать, что война будет продолжительная и тяжелая.

Началась общая мобилизация. Она охватила и деревни. Молодежь рвалась на фронт, многие записывались добровольцами. Так, только за первый месяц в военкоматы Чувашской АССР поступило 2536 заявлений о добровольном зачислении в армию, в том числе 394 – от женщин [14, с. 85]. В Чамзинский райвоенкомат Мордовии за пять дней поступило 55 заявлений, в Темниковском уже 23 июня было 31 заявление [1, с. 61]. За 5 месяцев с начала военных действий из сельской местности Мордовии ушло на фронт добровольцами и по мобилизации 80 тыс. крестьян (в 1942-1944 гг. – около 77 тыс., в 1945 г. – 160 тыс.) [10, с. 225].

Однако начавшаяся война вызвала не только патриотические настроения. В целом ряде мест стали появляться различные слухи и домыслы о том, что будет, если придут немцы, как себя вести в таких случаях. В докладной записке секретаря Саранского райкома партии Мордовии Учаева говорилось, например, что среди колхозников антисоветские элементы усилили свою деятельность, при этом подчеркивалось, что в первую очередь такие разговоры исходят от представителей эвакуированного населения, они ведут антисоветскую агитацию о том, что недалеко фронт, Мордовия будет эвакуирована, все заработанное в колхозе пропадет... в итоге чего в колхозах ослабла трудовая дисциплина, наблюдался массовый невыход на работу и т.д. [13, с. 129].

Имели место высказывания и лозунги откровенно антисоветского, пораженческого толка. Так, в Кадошкинском районе Мордовской АССР в октябре 1941 г. Ф. Т. Кулаков на общем собрании колхозников колхоза «Заветы Ленина» говорил: «Советская власть грабит колхозников, урожай убирать не надо. Потому что хлеб государство отберет и колхозники останутся голодными» [Там же, с. 91]. В колхозе «Серп и молот» Куженерского района Марийской АССР колхозник И. Г. Бахтин, провожая отъезжающих на фронт, давал следующие наставления: «Я был в плену в Германии, там неплохо. В случае чего сдавайтесь в плен, потом спасибо скажете!» [12, д. 1680, л. 118, 119]. Для пресечения пораженческого настроения и антисоветских выступлений Президиум Верховного Совета СССР принял 6 июля 1941 г. указ, устанавливающий уголовную ответственность за распространение в военное время «ложных слухов, возбуждающих тревогу среди населения». Такие действия квалифицировались как тяжкое государственное преступление. Виновные по приговору военного трибунала карались лишением свободы на срок от 2-х до 5-ти лет. Так, в соответствии с принятым законом, Ф. Т. Кулаков (по статье 58-10, ч. 2) был привлечен к уголовной ответственности [13, с. 91].

В этих условиях агитационно-пропагандистская, идеологическая работа, направленная не только на пресечение различных слухов и домыслов, но и, прежде всего, на организацию отпора врагу, мобилизацию всех сил населения на решение военно-хозяйственных задач, приобретала огромное значение. Лозунг «Все для фронта, все для Победы!» стал определяющим в этой работе. С началом войны увеличилась сеть агитпунктов, выросло число агитаторов (к примеру, в Марийской АССР – до 10 тыс. чел.). Агитаторы применяли самые разнообразные формы работы: проводили громкие читки газет, беседы на патриотические темы, устраивали коллективное прослушивание радиопередач (утром и вечером), там, где не было радио, сводки Совинформбюро получали по телефону, затем зачитывали их в бригадах и на фермах.

Существенно расширилась в годы войны и лекционная пропаганда, проводимая группами лекторов райкомов и обкомов ВКП(б). Она приобрела острую антифашистскую направленность. Лекции «Что сулит фашизм славянским народам?», «О расовой теории фашизма», «О морально-политическом состоянии фашистской армии» и другие вызвали большой интерес у населения, стали очень популярными в те дни. Возросла

и роль периодической печати. Громкие читки газет проводились в каждой бригаде и на каждой ферме. Вся распространяемая информация вызывала огромный интерес. В доме моего деда в деревне долгое время хранилась подшивка газеты «Марийская правда» за все годы войны. Судя по всему, дед не только внимательно читал газеты, но и бережно их хранил.

В то же время в целом настроение патриотизма в деревне на первом этапе преобладало. Трудовая активность крестьянства возросла уже в первые месяцы войны, ударничество в эти дни стало нормой в колхозах. В каждой деревне были свои стахановцы, их число во время войны резко увеличилось. Колхозники готовы были работать во имя Победы, не жалея сил, все понимали, что тыл – это второй фронт, и многое в этом трудном противостоянии будет зависеть и от того, насколько страна и фронт будут обеспечены продовольствием.

Вместе с тем, трудности военного времени росли. Сокращалась численность трудоспособного населения. Уже к 1942 г. в результате мобилизации на фронт мужчин призывного возраста произошла резкая убыль мужского населения, остались в деревнях женщины, подростки и старики, и на них легла вся основная нагрузка сельскохозяйственных работ в колхозах.

Резко стал меняться и характер труда в колхозах. Если до войны роль и значение техники в сельскохозяйственном производстве возрастали, жизнь постепенно улучшалась, то во время войны из-за недостатка запасных частей, горючего, отсутствия квалифицированных опытных кадров ремонт техники затруднился, оставшаяся в МТС техника после частичной отправки тракторов и машин на фронт использовалась крайне непроизводительно. В Марийской АССР в разгар полевых работ простаивало около половины тракторов, в Чувашской АССР, где положение было несколько лучше, – около трети тракторов. Тяжело приходилось женщинам, которые пришли на смену ушедшим на фронт механизаторам и стали работать на тракторах. *«Трудностей хватало. Запчасти нужны были постоянно, керосина не было. Пытались иногда сами вытачивать детали, но не всегда они подходили. Несколько раз в день приходилось бегать от трактора до мастерской... В войну плуги к тракторам были “конные”. Поедешь пахать – наплачешься. Плуги вылетали из борозды, надо было слезать, уstraивать. Тяжело очень было... Поначалу не было у нас умения. Вляля трактором по полю, борозды получались кривые. Если сажали неровно, нас за это ругали... Пахали и ночью, с фонарем. Света на тракторе не было, поэтому впереди трактора ставили кого-нибудь. Он идет впереди, а ты во все глаза смотришь, чтобы не задавить. Ночью пахать было мучительно – хотелось спать. В посевную домой не отпускали, пахали сутками. Спать ложились среди поля»* (по воспоминаниям М. И. Офицеровой, уроженки Мордовии, проработавшей трактористкой в МТС восемь лет) [7, с. 205].

Чрезвычайно обострилась проблема живой тягловой силы в колхозном производстве. Часть лошадей была отправлена на фронт, оставшееся конское стадо из-за чрезмерных нагрузок стало болеть и приходило в полную негодность. В этих условиях государством были приняты меры по вовлечению в колхозное производство дополнительной тягловой силы. Быки, а позднее и нетельные коровы, стали широко использоваться на сельскохозяйственных работах: на них проводили пахоту, боронование, осуществляли транспортировку зерна осенью, доставку воды или запчастей к тракторам и т.д. Роль ручного труда в условиях войны также резко возросла, многие виды работ, особенно на приусадебных участках, стали производиться вручную, лопатами копать было трудно, женщины (по пять-шесть человек) сами впрягались в плуг и таким образом производили пахоту на своих личных участках. Вот как об этом вспоминает ветеран труда, уроженка с. Тепловки Рузаевского района Мордовии А. А. Устяхина: *«Трудно было обрабатывать свои усадьбы. Огороды у нас были по 30-40 соток. Если вдвоем, троим копать – минимум 10 дней, ведь на своей усадьбе работали только рано утром и вечером. Приходилось людям пахать на себе. Было очень тяжело, ломило шею, спину, пот градом заливал лицо. Все четыре весны так мучились»* [Там же, с. 358].

В колхозах в период войны широко применялись ручное скирдование, вывоз навоза на санках, ручная доставка семян, а также и вскапывание земли лопатами. В Марийской АССР, в частности, весной 1944 г. вручную было вскопано 19882 га колхозной земли [5, д. 109, л. 89].

Тяжелый и напряженный труд, каждодневный труд до изнеможения, отнимающий все силы, стал будничным явлением во время войны. Работали все – от мала до велика, не считаясь ни со временем, ни с физическими тяготами.

Женщины во время войны проявили настоящий трудовой героизм. В 1944 г. в колхозах Марийской АССР они вырабатывали до 66% всех трудодней, причем почти треть всех трудоспособных женщин, принимавших участие в работе колхозов, вырабатывали по 300 и более трудодней в год (подсчитано по: [6, д. 3473, л. 51, 75]). Кроме того, на плечи женщин ложилась забота о детях и стариках. Самоотверженно трудилась в годы войны молодежь, которая чаще всего привлекалась на лесные и торфяные разработки. Это был тяжелый и изнурительный труд. Так, по воспоминаниям А. А. Устяхиной: *«Каждый год спускали разрядку колхозу. На торфоразработки посылали бездетных женщин и молодых девушек. Отдельные из них ездили каждый год, за ними закреплялась кличка “торфушки”... Приезжали они оттуда оборванные, истощенные, руки, ноги в стружьях, мозолях...»* [7, с. 360].

Наряду с трудоспособным населением, в деревнях не покладая рук трудились и престарелые и нетрудоспособные колхозники. Наиболее выносливые и физически крепкие из них работали непосредственно в поле или на фермах. Те, которые не могли принимать участия в колхозных работах по возрасту, брали на себя заботу о детях, пекли хлеб и выполняли другую сильную работу в общественных и личных хозяйствах. В Марийской Республике больше половины колхозников вырабатывали по 200 и более трудодней, число не принимавших участия в общественном хозяйстве было мизерным. Характерно также и то, что хотя на категорию нетрудоспособных

и престарелых колхозников не распространялось положение об обязательном минимуме трудодней, их средняя производственная выработка превосходила размеры обязательного минимума – в период войны эта группа колхозников в Марийской АССР вырабатывала по 100 и более трудодней [6, д. 3473, л. 67, 95].

Во время войны активное участие в сельскохозяйственных работах принимали и школьники. С началом войны часть из них, из-за материальных трудностей (не хватало одежды и обуви), а также потому, что нужно было помогать родителям в колхозе и по дому, вынуждены были бросать школы, те же, которые продолжали посещать учебные занятия, также активно вовлекались в колхозные работы. Так, по воспоминаниям М. Г. Кузьминой, ветерана труда, заслуженной учительницы Республики Мордовия: *«Школа жила жизнью колхоза. Учителя и учащиеся помогали в проведении всех сельскохозяйственных работ. Поскольку машин в колхозе было мало, рожь жали серпом, косили жнейками-лобогрейками. Учителя и учащиеся помогали вязать скошенную рожь и пшеницу в снопы, скирдовать солому, вывозить зерно на заготовительный пункт, на скошенных полях дети собирали колоски. В зимнее время школьники собирали золу, птичий помет, чтобы удобрять ими землю»* [7, с. 363]. Вследствие того, что рабочей силы в колхозах не хватало и школьников постоянно приходилось привлекать к сельскохозяйственным работам, государство вынуждено было сократить учебный год на период войны: начинался он, как правило, 1 октября и заканчивался 1 мая.

Труд в годы войны ассоциировался с помощью стране и фронту. Все понимали, что государству нужен хлеб и другие продукты. В этом заключался главный и определяющий стимул к работе. *«Почти все взрослое население было призвано на фронт, а вся молодежь и подростки и дети задействованы на работах в колхозе. Пахали землю, выращивали хлеб. Главной задачей было: успеть сделать как можно больше, и как таковой рабочий день не устанавливался. Начинали мы рано, а заканчивали уже поздно вечером. Никто никогда не отлынивал от работы, это считалось позором не только для тебя, но и для всей твоей семьи. Но даже не это было стимулом к активной работе, куда сильнее было желание помочь солдатам, которые борются с фашистами»* (из воспоминаний М. Н. Ковенковой, уроженки д. Уркаш Чкаринского сельсовета Ронгинского района Марийской АССР, 1928 г. рождения) [8, с. 148].

Благодаря глубоким патриотическим чувствам и твердой вере в Победу колхозники не только не впадали в отчаяние и не теряли присутствия духа, но даже работали с огоньком.

«Люди жили в страшной нищете. Многие семьи получали похоронки, и, тем не менее, общее настроение было оптимистическим, особенно к концу войны. Работали с энтузиазмом, был дух соревновательности, хотя труд практически не оплачивался. На коллективные работы и с работы (сенокос, жатва) шли с песнями, шутками, скромно, но с весельем отмечали праздники» (из воспоминаний А. А. Устяхиной) [7, с. 352].

Война внесла серьезные изменения в культурную и духовную жизнь деревни. Культурная жизнь в условиях войны «замерла». Часть колхозных клубов закрылась уже в первые месяцы войны (их помещения были заняты под зерносклады, дровяники и т.д.), постепенно стали приходиться в запустение и избы-читальни: работали они с большими переборами – закрывались на зимнее время из-за дефицита дров, вечерами не работали из-за отсутствия керосина и т.д. В справке, составленной по итогам проверок, проведенных в январе 1943 г. в Марийской АССР, сообщалось, что «избы-читальни Еласовского, Йошкар-Олинского и целого ряда других районов республики не оборудованы, грязные и неудобные, лозунгов и плакатов не имеют». Не оказалось в них на день проверки и стенных газет [4, д. 444, л. 18]. Сократилась в годы войны и концертно-постановочная деятельность, реже стали показывать фильмы, меньше проводить различные культурно-массовые мероприятия.

Изменились условия функционирования школ. Помещения школ не отапливались, не хватало самого элементарного для организации учебного процесса: учебников, тетрадей, чернил и т.д. *«Учителя сами заготавливали дрова для школы, но дров не хватало, и зимой в классах было холодно, ученики сидели в пальто и в варежках. Школьники приносили в пузырьках свои чернила из свеклы, из сажи, писали на страницах старых книг и газет – между строк. Уроки шли до обеда, затем все классы работали в колхозе»* (из воспоминаний А. К. Зайцевой, уроженки д. Пумарь Косолаповского района Марийской АССР, 1925 г. рождения) [8, с. 145].

В довоенное время власти боролись с распространением религиозных взглядов как пережитками царского времени, однако во время войны все изменилось. По данным мордовских историков, церкви не действовали, но повсеместно сохранялась вера: люди отмечали православные праздники (незаметно для власти), собирались вместе и молились (в домах друг друга), иконы висели в переднем углу большинства деревенских изб [2, с. 286]. О том, что религиозность крестьянства усилилась во время войны, сообщалось и в документах Республиканского Совета безбожников (далее РСБ) Марийской АССР. В деревнях стали чаще отмечать основные религиозные праздники. Так, по данным РСБ, в январе 1942 г. Рождество Христово было отпраздновано в ряде деревень Пектубаевского района. В докладной сообщалось, что в деревне Чирки Йошкар-Олинского района, в которой насчитывалось 100 хозяйств, колхозники три дня праздновали Крещение и «тем самым нанесли большой вред хозяйству и государству». В п. Суслонгер верующие мусульмане собрали 500 рублей и направили ходока в мечеть г. Казани, чтобы «он помолился за всех» [3, д. 103, л. 6].

До войны местное население (этнические марийцы) хотя и проводило языческие моления, но делало это втайне, скрытно, старалось не привлекать внимания властей. Нередко непосредственно ритуалы жертвоприношения (жертвовали обычно птицей или ягненок) совершались дома, и только кости ритуальных животных, которые не полагалось выбрасывать, сжигались непосредственно в местах молений (языческих рощах). Во время войны языческие моления стали проводиться не только чаще, но и достаточно открыто. Так, в ноябре 1941 г., по данным РСБ, в колхозе «Шемер вий» Еминского сельсовета состоялось языческое моление. В документе сообщалось, что в первый раз оно было предотвращено, но через неделю, несмотря на предупреждение властей,

колхозники его все-таки провели, при этом в документе особо подчеркивалось, что в молении участвовал и председатель данного колхоза. Всего в молении принял участие 250 человек, принесено было в жертву богам 25 голов птиц [Там же, л. 18]. Согласно тем же источникам, в 1941 г. в селах Казанское и Мари-Сола Сернурского района на моления о победе Красной Армии над Германией собиралось по 60-100 человек [Там же, д. 108, л. 45].

Массовое моление состоялось в июне 1942 г. в роще Ляжмаринского сельсовета Косолаповского района, в нем участвовали колхозники из семи районов (Косолаповского, Сернурского, Мари-Турекского и др.) Марийской АССР и ряда мест Кировской области. И, как выяснилось из беседы с местными жрецами, *«моление было организовано для того, чтобы просить богов содействовать быстрому окончанию войны с Германией»* [Там же, л. 34].

Социально-экономическое положение крестьянства региона в годы войны было очень тяжелым. Колхозы обязаны были по законам сурового военного времени выполнять все свои обязательства перед государством, невзирая ни на какие материальные и другие трудности. Жизненные интересы крестьянства в этих условиях были поставлены на второй план, учитывались в последнюю очередь. Во время войны оплата труда колхозников резко сократилась. Так, в 1943 г. в Марийской АССР зерна было выдано на трудодень в 3 раза, а картофеля – в 1,2 раза меньше, чем в 1940 г. В 1944 г. на душу населения определено было к выдаче зерновых и бобовых в Марийской АССР всего 0,75 ц, в Чувашской АССР в 1945 г. – 0,76 ц (в расчете на день всего по 200 граммов) вместо 10,4 ц и 8,7 ц в 1940 г. (в расчете на день соответственно 2,8 кг и 2,4 кг); картофеля было определено к выдаче в 1943 г. 1,3 ц (МАССР) и 0,55 ц (ЧАССР), или по 355 и 150 граммов в день вместо 7,1 ц (МАССР) и 3,8 ц (ЧАССР) в 1940 г. (в день соответственно 1,9 и 1,04 кг) [6, д. 3473, л. 163-165, 177-179, д. 3481, л. 67-69, 88-90].

1943-1944 гг. стали наиболее тяжелыми для колхозов и крестьянства региона. Хлеба во многих колхозах катастрофически не хватало, основу питания составили главным образом картошка и овощи, потребление мяса, молочных продуктов также сократилось в условиях войны. В Мордовии в этот период начался массовый голод. *«В конце зимы 1942 г. начался голод. Особенно голодными были апрель, май, июнь каждого года. Когда все подъедалось, а овощи еще не выросли. И начинали многие семьи есть траву, листья липы, конского щавеля, клевер, лебеду. Чувство постоянного голода изводило людей. Невозможно было смотреть на страдания матерей – дети просят есть, а матери не могут накормить – нечем»* (по воспоминаниям А. А. Устьяхиной) [7, с. 355]. По свидетельству ветерана труда В. С. Ивашкина, также уроженца Мордовии: *«Чем дальше шла война, тем тяжелее становилась жизнь. Основным продуктом питания была картошка. Но и ее не хватало. Особенно это наблюдалось в многодетных семьях. Весной перекапывали прошлогодние картофельные поля в поисках оставшихся клубней. Найденные клубни сушили, перемалывали в муку, из этого крахмала пекли так называемый хлеб. Получался черный, жесткий кусок. С роспуском зелени собирали липовые листья, сушили, толкли и из такой муки тоже пекли хлеб, который получался мягкий, зеленый, безвкусный и скоро портился вообще»* [Там же, с. 352]. Колхозники, чтобы прокормиться в таких условиях, вынуждены были прибегать к хищениям и воровству. По данным историков, основанным на воспоминаниях пожилых людей, работавших в разных колхозах Мордовии, почти каждая семья занималась хищением у колхоза. Одни собирали колоски по ночам на общественных полях, другие крали зерно с токов и складов [10, с. 239].

Явления массового голода распространились в это время и на отдельные районы Марийской и Чувашской АССР. Колхозники, чтобы выжить, употребляли в пищу не только травы и корни, но вынуждены были использовать суррогаты, такие как торф и глину, мясо павшей скотины и т.д., что вызывало тяжелые последствия. *«Доходы обеспечивали продукты, полученные на трудодни, также на трудодни можно было получить корм для скота. Продуктов не хватало, ели лебеду, торф, который возили за 12 км. От торфа 6 человек моих родственников умерли, у них засорился кишечник. Наша семья питалась всякими травами, приходилось есть и мясо павших животных»* (из воспоминаний И. А. Бушкова, уроженца д. Елымбаево Мари-Турекского района Марийской АССР, 1930 г. рождения) [8, с. 140].

«Выращенное зерно почти полностью сдавалось государству, оставалось на семена и на трудодни колхозникам лишь 10%. Это было очень мало, поэтому, чтобы прокормиться, люди искали всякие пути. За деревней у реки Буй в двух местах нашли чернозем, что не хрустит на зубах. Смешивая эту землю с травяной мукой, пекли лепешки. Тяжело было, но люди работали день и ночь; днем в поле, ночью – на молотильном току.

Детей воспитывали тогда нужда и голод, огромное желание приблизить победу. А воровства в деревне не было» (из воспоминаний А. В. Шишкина, уроженца д. Иштыра Русско-Ляжмаринского сельского поселения Параньгинского района Марийской АССР) [11, с. 22].

В 1944 г. в Чувашии продовольственные трудности имели место в 32 из 82 колхозов Сундырского района. Чтоб утолить голод, колхозники размалывали на мельнице липовые опилки для употребления в пищу, некоторые поедали мясо собак и павшего скота [9, с. 232].

На фоне хронического недоедания развивались болезни, нередко с летальным исходом. Так, в Красночетайском районе Чувашии в течение пяти месяцев 1944 г. в результате недоедания умерли 83 чел., в том числе 45 детей до 10 лет, в Алатырском районе – 27 чел., из которых 7 – дети до 10 лет [Там же]. По данным 1944 г., в Кочкуровском районе Мордовии было зарегистрировано больных дистрофией – 979 чел., в Б.-Игнатовском – 1000 чел., в Ардатском районе в колхозе «Од Эрямо» от голода умерли 22 чел., в колхозе им. Куйбышева – 25 чел. В ноябре того же года в пяти районах Мордовии началась эпидемия сыпного тифа, широкое распространение получили заболевания корью, чесоткой и так называемой «септической ангиной», возникавшей, как правило, при употреблении зараженного грибом зерна, и т.д. [1, с. 72].

Однако были немногие колхозы, которые и в годы войны справлялись с выполнением всех государственных поставок и обеспечивали колхозников минимумом продовольствия. Так, по рассказам моей матери, колхоз, которым руководил ее отец Н. Агеев (колхоз «Онар» Советского района), был передовым. В колхозе был порядок, рожь колосилась стеной, нередко он сам сеял (хозяйство было небольшое), сам охранял зерно, все поставки выполнялись вовремя, голода не было. По воспоминаниям Н. С. Бычкова, уроженца Мордовии (д. Урей Софьинского сельсовета), 1932 г. рождения: «*Председателем колхоза был Гранаткин Иван Никифорович. Наверное, ни в одном колхозе района не давали столько хлеба на трудодни, сколько в нашем колхозе им. Буденного (ред. – С. В.). Даже в войну не пекли хлеб с лебедой или с картофельными очистками. Была своя пекарня в колхозе, пекли хлеб и там... Но и госпоставки выполняли, даже еще другим колхозам помогали*» [2, с. 430].

Плохо было с одеждой, не во что было одеть детей. Кожаная обувь и даже валенки в годы войны в деревнях были редкостью, все ходили в лаптях. По воспоминаниям старожилов Параньгинского района Марийской АССР: «лапти были самой ходовой обувью. Их продавали в зависимости от времени года, качества и внешнего вида по 15-35 руб.» [11, с. 31]. «*Одежду в основном изготавливали из дмотканого материала, сеяли в огороде коноплю, выращивали, обрабатывали и пряли. Обувью были в основном лапти, к ним прикрпляли деревянные колодки, чтобы не замочить и не простудить ноги*» (из воспоминаний И. А. Бушкова) [8, с. 140]. Не было мыла. В качестве средств гигиены применяли древесную золу, речной песок. Спичками практически также не пользовались. Растапливали печь углями, которые сохранялись в печи, либо брали их у соседей.

Таким образом, война стала чрезвычайно тяжелым и суровым испытанием для советской деревни. В условиях войны произошли серьезные изменения в экономической, материально-бытовой, социальной, культурной и духовной сфере, они создали огромные трудности, деревня оказалась на грани выживания. Крестьянство выдержало эти испытания, продемонстрировало самоотверженность и великое терпение, что явилось свидетельством его высокого морально-патриотического духа и трудового героизма.

Список литературы

1. **Абрамов В. К.** Мордовия в годы Второй мировой войны // Мордовия в годы Второй мировой войны: сб. статей / МордГУ им. Н. П. Огарева. Саранск, 2006. С. 4-97.
2. **Боевая слава и трудовая доблесть. Ельниковский район. 1941-1945** / авт.-сост.: Е. В. Никишова, Т. А. Шашанова. Саранск, 2010. 672 с.
3. **Государственный архив Республики Марий Эл (ГАРМЭ).** Ф. Р-118. Оп. 1.
4. **ГАРМЭ.** Ф. Р-471. Оп. 1.
5. **ГАРМЭ.** Ф. Р-644. Оп. 3.
6. **Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ).** Ф. А310. Оп. 1.
7. **Для них тыл был фронтом:** очерки, статьи, воспоминания, фотодокументы о тружениках тыла в годы Великой Отечественной войны: сборник / редкол.: В. Г. Ганичев, А. И. Гусева, М. Г. Кузьмина и др.; сост.: В. П. Колосов, Н. М. Кулыгин, А. А. Мамаев. Саранск: Морд. кн. изд-во, 2002. 384 с.
8. **Живая память о войне:** материалы V Республиканской научной студенческой конференции «Боевой и трудовой подвиг советского народа в годы Великой Отечественной войны» (г. Йошкар-Ола, 20-21 мая 2015 г.) / отв. ред. А. Н. Павлова. Йошкар-Ола: ПГТУ, 2015. 244 с.
9. **История Чувашии новейшего времени:** в 2-х кн. Чебоксары: Чув. гос. ин-т гум. наук, 2001. Кн. 1. 1917-1945. 262 с.
10. **Мордовия в период Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.:** в 2-х т. Саранск, 2005. Т. 2. 424 с.
11. **Они ковали Победу: Параньгинский район: поименные списки тружеников тыла Великой Отечественной войны.** Йошкар-Ола: СТРИНГ, 2009. 200 с.
12. **Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ).** Ф. 17. Оп. 22.
13. **Сомов В. А.** Первое советское поколение: испытание войной. М.: АИРО-XXI, 2015. 176 с.
14. **Сухова Е. В.** Единство фронта и тыла – проявление массового патриотизма народа Чувашии // Чувашия накануне и в годы Великой Отечественной войны: сб. статей Респ. науч.-практ. конф., посвященной 65-летию Победы в Великой Отечественной войне. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2011. 292 с.

WORLD OF PEASANT CULTURE DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR (BY THE MATERIAL OF AUTONOMOUS REPUBLICS OF THE VOLGA-VYATKA REGION)

Vasil'eva Svetlana Ivanovna, Ph. D. in History, Associate Professor
Bauman Moscow State Technical University
svasiljeva50@mail.ru

The article is devoted to various aspects of the economic, social and cultural life of the village in the Volga-Vyatka region during the Great Patriotic War. The study is based not only on the materials of the historical researches that were conducted in recent years, but also on the collected and published reminiscences of the home front workers truthfully representing the harsh realities of that period, the problems and difficulties of the wartime.

Key words and phrases: peasant culture; war; republics of the Volga-Vyatka region; labour; patriotism and heroism; school; religious views; economic conditions; famine.